

УДК 316.324.8

П. А. Водопьянов, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси (БГТУ);
Ч. С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой (ГрГУ)

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье дана содержательная интерпретация постиндустриального общества в его западной модели, показана ограниченность следования по его пути многими странами мирового сообщества, раскрыты общие признаки постиндустриализма, выявлены его противоречия на современной стадии развития общества. Обосновывается положение о возможности дальнейшего прогресса человечества при условии смены сложившихся мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и биосферы, намечаются основные направления дальнейшего развития цивилизации.

The article presents contextual interpretation of the postindustrial society in its western model and reveals some negative consequences of its following by many countries of the world community. In the article common features of postindustrialism are described and its contradictions on the present stage of social development are revealed. It substantiates the statement that the further progress of the mankind is possible only if there are changes in the existing outlook orientation in the relationship of society and biosphere. In the article the main directions of civilization development are outlined.

Введение. Постиндустриальное общество – это общество, в экономике которого в результате достижений научно-технической революции, значительного повышения уровня и существенного роста доходов населения приоритет в экономическом развитии перешел от преимущественного производства товаров к оказанию услуг.

Основным производственным ресурсом на стадии постиндустриального общества являются информация и знания, а научные разработки становятся главным определяющим фактором экономики. Уровень образования, профессионализм, обучаемость и креативность являются качественными характеристиками специалистов, способных решать сложные производственные задачи.

Основная часть. Постиндустриальное общество, по мнению ряда западных ученых, определяется как высшая стадия эволюции современной западной цивилизации, которая намечает перспективы развития цивилизации.

Несмотря на имеющиеся различия в понимании постиндустриализма, существует ряд общих признаков, присущих данной стадии развития общества, таких как переход от производства товаров к оказанию услуг и расширению их сферы, доминирование профессионального и технического персонала, переход от следования рыночным принципам к постэкономическим ценностям и активному социальному регулированию, радикальному изме-

нению прежних методов и форм труда, максимальному использованию творческого потенциала работников, формированию нового типа семьи и новых форм социального партнерства, повышению роли научного знания и изменению системы образования и т. п. При этом сторонники концепций постиндустриального общества уделяют особое внимание широкому применению информационных технологий, распространению гибких форм мелкосерийного производства, приходящего на смену унифицированному массовому производству и потреблению. Благодаря всеобщему доступу к основному ресурсу постиндустриального общества – знаниям, по мнению ряда исследователей, произойдут существенные изменения в его социальной структуре, будут размываться и исчезнут границы общественных классов, на смену собственности как критерию социальной стратификации общества придет уровень образования и накопления знаний.

В отличие от индустриального общества, раздираемого классовыми противоречиями и социальными конфликтами, стадии постиндустриализма, с точки зрения сторонников этих концепций, будет присущ только один основной конфликт между знанием и эффективностью – с одной стороны, некомпетентностью и неэффективностью – с другой.

Вместе с тем теоретические установки далеко не всегда соответствуют их реальному воплощению в жизнь, что в полной мере

соответствует и концептуальным положениям постиндустриального общества.

Современная стадия постиндустриализма отнюдь не выступает в качестве гуманистической альтернативы индустриально-рыночной цивилизации, а ведет к новым, еще более жестким вызовам природе и культуре. Неслучайно ряд исследователей в замыслах «постиндустриального» и «информационного общества» и других обществ усматривают некоторую фиктивность и относят их к числу интеллектуальных фантомов. «Что касается "постиндустриального общества", "сверхиндустриализма", "пост-фордизма", "информационного общества", "второго индустриального раскола", "информационной революции", "экономики знаний", "сетевого общества", "новой экономики" и т. п., то это термины либо от философии номинализма, либо от идеологии иллюзий», — отмечает С. Губанов [1, с. 3].

Такого рода утверждения далеко не случайны. Даже Д. Белл — один из основоположников и теоретиков постиндустриального общества в своей новой книге «Эпоха разобщенности» подчеркивал, что проблематику, связанную с теорией постиндустриального общества, он считает «пройденным этапом» [2].

И такое утверждение закономерно, поскольку недооценка роли индустриального производства лишена оснований, и потому следует вести речь о переходе ведущих индустриальных стран не к постиндустриальному обществу, а к новой стадии индустриального развития — неоиндустриализации [1, 3–6].

Под неоиндустриализацией обычно понимается совокупность автоматизированных или технотронных производительных сил, а сама индустриализация не есть одноразовый процесс, завершаемый становлением крупномашинного производства.

В реальности практика представила не одну, а две фазы индустриализации. Первая фаза индустриализации имеет своим результатом электрификацию производительных сил общества, а вторая фаза привела к возникновению автоматизированных или технотронных производительных сил. «Действительно, всеобщая электрификация выступает основой всеобщей автоматизации или компьютеризации производительных сил. Автоматизировать паровые машины и средства производства, т. е. интегрировать их цифровыми технологиями, было невозможно. Действует принцип последовательности или эволюции средств производства: компьютеризируется или автоматизируется только то, что электрифицировано. Вначале общество добивается электрификации, и лишь затем оно

получает возможность автоматизации своих производительных сил» [1, с. 17].

В концепции «неоиндустриализма» на основе анализа производства средств производства и производства предметов потребления подчеркивается, что экономика развитых стран осуществляется за счет производства средств производства, а не услуг.

Ссылаясь на официальные данные относительно межотраслевых балансов (таблиц «затраты — выпуск»), сторонники неоиндустриализма подчеркивают, что «удельный вес средств производства во всех без исключения странах "большой семерки" превышает 50%... В США доля средств производства в совокупном общественном продукте составила по итогам 2009 года более 55,8%, а в Германии — свыше 58%, в Японии — около 60%. Все остальное приходится, естественно, на второе подразделение, на производство предметов конечного потребления» [1, с. 12]. Сегодня, к примеру, совокупное конечное потребление домохозяйств в США почти на $\frac{2}{3}$ обеспечивается не услугами, а материальными товарами.

Разумеется, это не означает отрицания прогресса в развитии нынешней стадии экономики развитых стран... Напротив, реальный прогресс несомненен, но его суть состоит в другом — «в изменении пропорции между занятыми собственным трудом и занятыми обеспечением функции целесообразности труда: разработкой продуктов, материалов, технологий, средств производства с новыми полезными свойствами, оптимизацией форм организации интеграционных связей в производстве, автоматизацией планирования и проектирования работы технологических цепочек, сбыта и снабжения предприятий и корпораций в целом.

Затраты рабочего времени общества на обеспечение целесообразности труда и впрямь становятся больше, чем непосредственные затраты на осуществление самого индустриального труда. В экономике США названная пропорция составляет, по приблизительным оценкам, 50 на 50. Иными словами, на одного работника, занятого выполнением индустриально-трудовых операций, приходится один работник, занятый обеспечением функции целесообразности труда, т. е. разработкой более прогрессивных и эффективных средств производства» [1, с. 14].

Важно отметить и то обстоятельство, что творческий труд, в котором исследователи усматривали чуть ли не одну из самых существенных характеристик постиндустриального общества, на сегодняшний день остается уделом немногих, а большинству по-прежнему приходится довольствоваться либо рутинным

трудом, либо вынужденным досугом и «расширенным потреблением». Тем самым можно утверждать, что постиндустриальное общество в нравственном аспекте далеко не безупречно и покоится на зыбкой почве.

Современное капиталистическое производство существует и функционирует ради прибыли и для частного присвоения прибыли. Рыночные отношения выходят далеко за пределы экономики и активно вторгаются в другие сферы жизни: семью, политику, образование, здравоохранение и т. п. Это дало основание некоторым исследователям назвать этот процесс «рыночным вызовом цивилизации» (А. Панарин). Если на заре возникновения постиндустриализма предполагалось, что центральным социальным институтом общества будет университет как источник творчества, то сегодня центром социума зачастую становится банк как «сборщик дани» с любой производительной активности. В самом лучшем случае, то, что называли постиндустриализмом, превратилось в новый виток научно-технической революции, продолжением техногенного пути развития на основе более рафинированных технологий. В худшем случае, постиндустриализм грозит выродиться в такой путь экономического развития, в котором господствует экономический эгоизм, бездуховная сила, алчность, праздность и другие пороки.

Как следствие этого, надежды и помыслы целого ряда футурологов относительно постиндустриальной перспективы в развитии человечества, похоже, не оправдались. Развернувшиеся на нашей планете трансформационные процессы явились реальным препятствием на пути осуществления данных упований и надежд. Более того, глобальный экономический кризис – еще одно свидетельство ущербности постиндустриализма.

В самом деле, как можно считать постиндустриальным обществом такую организацию экономической жизни, при которой индустриальное производство сконцентрировано в одних регионах планеты, а печатание денег и потребление – в других странах? Это просто не что иное как перенос производства из одной сферы в другую со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На практике постиндустриальное общество в его западной модели обернулось лишь перераспределением мировых ролей: высокоразвитые страны освобождаются от индустриальной функции – перерабатывающей промышленности – и становятся центром мировой финансовой игры и перераспределения ресурсов; индустриальные функции передаются определенному количеству стран «второго эшелона

развития», способным обеспечить успешное функционирование перерабатывающей промышленности; на остальные страны выпадает роль поставщиков сырья и дешевой рабочей силы. Причем постсоветскому пространству – части мировой периферии, богатой сырьевыми ресурсами и осуществившей в свое время собственными силами индустриализацию, предстоит в соответствии с данным распределением ролей деиндустриализоваться и превратиться в ресурсного и экологического донора западного центра силы. Такова структура мира, планируемая и выстраиваемая на нынешней фазе развития капиталистического общества. Поэтому в своем нынешнем, буржуазно-либеральном варианте концепция постиндустриализма не представляет никакой реальной альтернативы экологически разрушительному индустриализму, инструментально-потребительскому отношению к миру.

В настоящее время наша планета оказалась разделенной на две части не только по уровню научно-технического и экономического развития, но и по экологическому признаку, на страны экологических доноров, интересы которых никак не защищены справедливыми законами и эффективным контролем, и страны-перципиенты, имеющие возможность (безвозмездно и безнаказанно) потреблять чужие экологические ресурсы в размерах, далеко превосходящих воспроизводство этих ресурсов на их национальных территориях.

Сегодня в связи с означенными процессами человечество оказалось в ситуации своего рода экологического антагонизма [7, с. 14]. Богатые страны не желают поступиться своим «образом жизни», а страны третьего мира с их увеличивающимся населением не могут отказаться от развития и экономического роста. «Конкуренция за ограниченные земные ресурсы втягивает богатый Север (Запад) и бедный Юг (Восток) в конфликтные отношения (которые проявляются также в форме культурно-цивилизационных противоречий), побуждая придавать особое значение фактору силы в мировой политике и расходовать все больше средств на вооружение, в том числе и на разработку его новых видов.

Драматизм ситуации состоит в том, что стремление ряда стран мирового сообщества приблизиться к стандартам потребления в западноевропейских странах на нынешней технологической основе может быстро натолкнуться на абсолютные пределы ресурсов, находящихся в распоряжении человечества. Такие попытки неизбежно обернутся коллапсом, подлинной экологической катастрофой. Например, если бы все страны достигли уровня потребления энергоресурсов на душу населения такого как

в США, то нефть и газ были бы выкачены из недр Земли за одно десятилетие» [8, с. 286], и потому путь, приведший промышленно развитые страны к процветанию, не может быть приемлем для всех стран мирового сообщества.

Ныне охвативший все страны мирового сообщества глобальный финансово-экономический кризис выявил новые тенденции развития современного мира, внес существенные поправки в устоявшиеся представления относительно будущего человечества. Наряду с другими кризисными явлениями он существенно ускорил процесс переосмысления теоретических и идеологических основ, на которых до недавнего времени базировались концепции постиндустриального общества по западному образцу.

Стало очевидным то, что подспудно вызревало уже на протяжении нескольких десятилетий: «ведущие капиталистические державы и их партнеры-союзники из числа стран "золотого миллиарда" не являются неоспоримыми лидерами мирового развития. Став эпицентром глобальных финансовых потрясений, они не просто скомпрометировали себя, но и продемонстрировали остальному миру, что чрезмерная зависимость от них как источников финансирования и рынков сбыта чревата большими опасностями для стран, в такой зависимости оказавшихся» [9, с. 53].

В результате, что особо следует подчеркнуть, эффективность присущей евроатлантической цивилизационной модели развития повсеместно стала подвергаться сомнению и критике, в том числе и в западной литературе. Так, американский экономист Роджер Олтман в своей статье «Геополитическое поражение Запада» пишет о том, что «глобальный финансово-экономический кризис подорвал доверие к экономике Запада, что он уводит мир от однополярной системы и смещает мировой фокус в сторону от США» [10]. Британский эксперт Андриан Пабст заключает: «Мир больше не будет тянуться за Западом. "Атлантическая однополярность"... уже не формирует и не направляет глобальную геополитику и геоэкономику» [11, с. 90]. Джордж Е, министр иностранных дел Сингапура, отмечает: «Развивающиеся страны уже не станут устремлять свои взоры только на Запад как источник вдохновения; они тоже повернутся к Китаю и, может быть, к Индии» [12, с. 29]. А бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт утверждает, что «...мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век...» [13, с. 26–27].

Итальянский исследователь Алессандро Полити констатирует, что «идеология рыноч-

ной экономики (невидимая рука, витальная сила и демократия рынка) подорваны» [14, с. 68]. Д. Белл, анализируя процессы регионализации мира, приходит к выводу о том, что наша эпоха становится «эпохой разобщенности». Он подчеркивает, что, несмотря на усилия некоторых политиков сконструировать однополярный мир, реальные события идут своим чередом. «Именно поэтому, – согласно его утверждениям, – мы наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции... Регионы – вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI века» [15, с. 6]. Английский исследователь Н. Фергюссон предсказывает: «Если события будут и далее развиваться так, как они развивались в последние несколько десятилетий, двухвековому доминированию Европы, а затем и ее гигантскому североамериканскому отпрыску, придет конец. Япония была лишь провозвестником азиатского будущего. Она оказалась слишком мала и слишком интравертна, чтобы изменить мир. Но те, кто идет вслед за ней – и, прежде всего, Китай, – свободны от этих недостатков... Европа была прошлым, США являются настоящим, а Азия, с доминирующим в ней Китаем, станет будущей мировой экономикой» [16].

Даже небезызвестный З. Бжезинский признает, что «...глобальное доминирование атлантических держав подходит к концу» [17, с. 17]. Такова реальная ситуация, сложившаяся в развитых странах мира, которая обозначила тупики постиндустриализма...

Со времени утверждения на мировой арене финансово-олигархического капитализма человечество вступило в новую фазу своего развития – фазу «игрового» (если так можно выразиться) капитализма, втягивающего в крупную спекулятивную игру всю мировую экономику. Наиболее рельефным проявлением этого стало возникновение не имеющих аналогов в прошлом финансово-экономических «игровых» технологий, способных подрывать национальный суверенитет многих народов.

«Игровые» технологии изначально оказались ориентированы на дематериализацию богатства, придания ему знаковой формы для последующего включения в систему мирового информационно-электронного обмена, что на деле сплошь и рядом оборачивается откатом в развитых странах от продуктивной экономики и утверждением новой формы ростовщичества – господства «электронных денег» и власти виртуальной экономики, связанной с фиктивным капиталом, банка – над предприятием, а международной финансовой олигархии – над национальными

экономиками, т. е. по сути дела, новой формой паразитизма и глобального хищничества.

Однако «игровая» капиталистическая экономическая система – это система апокалиптически-катастрофическая, которая не имеет будущего, и потому, как отмечал А. С. Панарин, постиндустриальное общество не может возникнуть как результат простого углубления индустриальной эпохи, а будет представлять собой развитие по закону «отрицания отрицания», ознаменуется парадоксом «возвращения» к некоторым «исконным», традиционным принципам человеческого существования, явится результатом тотального преобразования ценностного типа, включая новые принципы жизнеустройства, открывающие долговременную перспективу для всех, а не для одних только потребительских обществ Запада; что механизм постиндустриального сдвига лежит не в сфере технологий, а в сфере человеческого духа, в системе ценностей [16].

Не следует также возлагать большие надежды в развитии общества на его информатизацию, поскольку благосостояние людей зависит, прежде всего, от материального производства. Причем основным ресурсом экономики, определяющим это самое благосостояние общества, выступает не информация, а энергия – это неоспоримо не только для индустриального, но и любого другого общества. Например, благосостояние США основывается на максимальном потреблении энергии, прежде всего ее носителя, нефти – 3 т на каждого человека в год [17]. Информация и знания действительны только при наличии энергии, а ее получение с помощью информационных технологий пока не достижимо. К тому же мы никуда не ушли от экономического неравенства, ни от разделения мира на Север и Юг, ни от повышения цен на продукты питания и их возрастающего дефицита в современном мире. На нашей планете сохраняется прежняя экономика и прежние социальные проблемы.

Кроме того, сам по себе рост объема информации не существенен, а главную роль для развития общества играет лишь ценность информации, увеличение которой далеко не бесспорно. Скорее растет количество бессмысленной информации, производимой на псевдоинтеллектуальных конвейерах, что приводит к существенным негативным трансформациям духовного мира человека («поколения пепси» и тому подобные термины обозначают эту ситуацию).

Правомерно ли сегодня любые модели развития общества, основанные на экономическом

эгоизме и фундаментализме, рассматривать в качестве магистрального пути развития человечества? Вряд ли.

Сегодня даже без особой исследовательской интуиции становится очевидным, что евроатлантическая цивилизация, основанная на идеологии неограниченного прогресса и потребительской психологии, и сама вступила в кризисное состояние, и всему человечеству навязывает бесперспективный, тупиковый путь развития. Мало того, что нынешний финансово-олигархический капитализм запутался в своих внутренних противоречиях, обернувшись глобальным финансово-экономическим кризисом, но он еще, помимо всего прочего, оказался принципиально несовместим с экологическим императивом.

Человечество достигло той точки в своем развитии, когда дальше невозможно совмещать экологическую безопасность и предпринимательскую рыночную экономику, основанную на принципе получения максимальной прибыли. А это означает, что мы стоим на пороге эпохи смены парадигм развития.

Становится очевидным, что сугубо потребительский вектор социально-экономического развития оказался неадекватным природным закономерностям и привел к глобальному экологическому кризису.

Похоже, уже пришло время, когда нельзя даже игнорировать факт моральной усталости техноцентрической модели развития, которая, хотя и обеспечила в свое время мощный рывок Запада, сегодня ведет весь мир к тотальной экологической катастрофе. Поэтому, как бы нам ни было тяжело расставаться с привычными взглядами, мы должны согласиться с данными современной глобалистики, указывающими на то, что продолжение сложившихся тенденций развития современной техногенной цивилизации уже в недалеком будущем будет закончено. Более того, проблемы, порожденные развитием техники, невозможно решать с помощью самой же техники, пусть даже еще более совершенной, что новая эффективная техника очистных сооружений, энергосберегающих технологий и других достижений научно-технического разума не поможет избежать экологического коллапса, что при любых сценариях технического развития планета не выдержит техногенной перегрузки. Все дело в том, что технический прогресс воспроизводит на Земле процессы, к которым эволюционно не приспособлены ни окружающая природа, ни сам человек. Ведь в естественных условиях на Земле нет источников атомной энергии, термоядерных реакций, нет природных квантовых генераторов,

не происходит в короткий промежуток времени массового образования материалов с новыми химическими свойствами, макротела не передвигаются со сверхзвуковой скоростью, не взлетают в космос многотонные массы и т. д. Все эти процессы являются инородными в макромире Земли, нарушают эволюционно установившееся природное равновесие, создают эколого-кризисные состояния. Поэтому ставка на либеральную программу всемирной вестернизации на деле представляет собой бесперспективный путь развития.

Это означает, что сегодня, для того чтобы выжить, человечеству необходимо реализовать другие стратегии, связанные с преодолением техноцентрической модели развития и возрождением этикоцентричных традиций мировой культуры, среди которых свое законное место занимает и наша, восточнославянская, православная традиция. Речь, собственно, идет об утверждении эпохи постэкономизма, которая будет означать смену приоритетов земной цивилизации в целом, переориентировку усилий человечества с инструментальной деятельности, направленной на удовлетворение растущих потребительских вожделений, с всепожирающего молоха экономизма и техноутилитаризма на деятельность, связанную с сохранением пригодной для обитания окружающей среды. В хозяйственном плане эта эпоха, как нам представляется, будет характеризоваться переходом от технически деструктивных к биологически конструктивным технологиям.

Заключение. Дальнейший прогресс человечества предполагает преодоление сугубо экспансионистской предпринимательской экономики, основанной на принципе получения максимальной прибыли и расширенного потребления.

Представляется обоснованным утверждать, что грядущий формационный «скачок» мировоззренческой, ценностной революции в развитии человечества явится в первую очередь результатом новой революции, равной по значению и масштабам, но принципиально отличной по своему содержанию от той, которая произошла в эпоху Возрождения. Задача этой революции – утвердить новые ценности, новую мировоззренческую систему координат, которая призвана обеспечить стратегию выживания человечества. Эта революция должна осуществить пересмотр идеалов, ориентированных на силовое преобразование окружающего мира, на безудержный технологический активизм, и выработать нравственные «противовесы» и «ограничители» устремлениям современной технологической цивилизации, выдвинуть и обосновать

новые общезначимые ценности, новое понимание перспектив человечества.

Литература

1. Губанов, С. Неоиндустриализм плюс вертикальная интеграция / С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9.
2. Белл, Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл, В. Иноземцев. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
3. Амосов, А. К дискуссии о новой индустриализации / А. Амосов // Экономист. – 2009. – № 6.
4. Черковец, В. Инновационное воспроизводство как антикризисный ресурс / В. Черковец // Экономист. – 2009. – № 6.
5. Вебер, А. Б. Глобальное потепление и устойчивое развитие / А. Б. Вебер // Свободная мысль. – 2006. – № 5.
6. Моисеев, Н. Н. Расставание с простотой / Н. Н. Моисеев. – М.: Аграф, 1998.
7. Краснояров, В. Н. Глобальный кризис и изменение расстановки сил на мирохозяйственной арене / В. Н. Краснояров // Российский экономический журнал. – 2010. – № 4.
8. Олтман, Р. Великий крах – 2008: геополитическое поражение Запада / Р. Олтман // Россия в глобальной политике. – 2009. – Т. 7, № 1.
9. Пабст, А. Берлинская доктрина: от атлантической однополярности к панъевразийскому сообществу безопасности / А. Пабст // Россия в глобальной политике. – 2009. – Т. 7, № 1.
10. Ео, Дж. Эпоха великой переоценки / Дж. Ео // Россия в глобальной политике. – 2009. – Т. 7, № 1.
11. Верхофстадт, Ги. Три выхода для Европы: на пороге «нового века империй» / Ги Верхофстадт // Россия в глобальной политике. – 2009. – Т. 7, № 1.
12. Полити, А. После «бушеномики». От бездержавной многополярности к текучим балансам / А. Полити // Россия в глобальной политике. – 2009. – Т. 7, № 1.
13. Белл, Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл // Свободная мысль. – 2006. – № 6.
14. Фергюссон, Н. Мир без гегемона / Н. Фергюссон // Свободная мысль. – 2005. – № 1.
15. International Herald Tribune. – 2008. – Dec. 17.
16. Панарин, А. С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке / А. С. Панарин. – М.: Логос, 1998.
17. Мясникова, Л. А. Экономика постмодерна и отношения собственности / Л. А. Мясникова // Вопросы философии. – 2002. – № 7.

Поступила 30.03.2011